Linguae

European Scientific Language Journal

June 2015

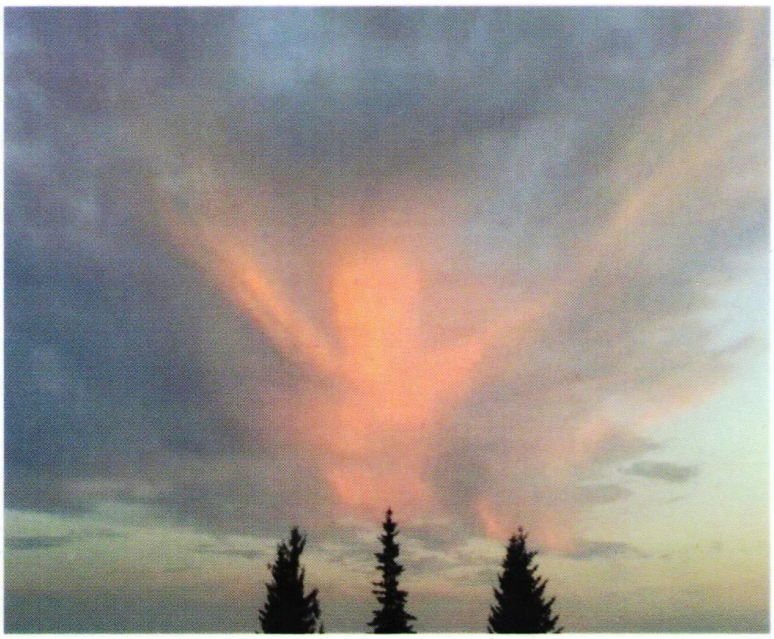
ISSN 1337-8384

Volume 8 Issue 3

Language
is
the only
homeland.

(Czesław Miłosz)

To our dear dad
and father-in-law
and all those who
had to leave their
homeland



XLinguae European Scientific Language Journal
Volume 8 Issue 3, June 2015, ISSN 1337-8384
The scientific language journal registered
by Ministry of Culture of Slovak Republic no EV 2747/08
© SVO, s.r.o

XLinguae European Scientific Language Journal, Volume 8 Issue 3, June 2015
ISSN 1337-8384, Journal registered by Ministry of Culture of Slovak republic no EV 2747/08
Periodicity: 4 times a year (January, April, June, October)
© SVO, s.r.o. – Slovenská Vzdelávacia a Obstarávacia, s.r.o., Petzwalova 30, P.O.BOX 33, 949 11 Nitra, Slovakia; Org ID number: 44618735, Tel.: 00421907522655, www.xlinguae.eu, Mail: xlinguae@xlinguae.eu

XLinguae is the European Scientific Language Journal about modern European language philology published in the heart of Europe in Slovakia. Its first and most important objective is the European and world language and culture diversity analysed or empirically described in studies and contributions from linguistics, applied-linguistics and philology fields.

Editor-in-chief: Jana BIROVA, Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia
Managing editor: Jana WALDNEROVA, Constantine the Philosopher University Nitra, Slovakia

International scientific board:
Tibor BERTA, University of Szeged, Hungary
Tatiana BOCHINA, Kazan Volga Federal University, Kazan, Russia
Anna BONDARENCO, Université d'Etat de Moldova, Chisinau, Moldova
Nawal BOUDECHICHE, University Center El Tarf, Laboratory Lantex, University Annaba, Algery
Donald CHERRY, Hiroshima International University, Kurose, Higashi Hiroshima, Japan
Fatima CHNANE-DAVIN, Aix-Marseille University, France
Eva DEKANOVA, Constantine the Philospher University Nitra, Slovakia
Marie FENCLOVA, University of West Bohemia, Czech Republic
Zuzana HONOVA, Ostrava University, Czech Republic
Olga GALATANU, University of Nantes, France
Edita GROMOVA, Constantine the Philospher University Nitra, Slovakia
Astrid GUILLAUME, Université Paris IV Sorbonne, Observatoire européen du plurilinguisme, Paris, France
Jan HOLES, Palacky´s University, Olomouc, Czech Republic
Sevda LAZAREVSKA, University Sts. Cyril and Methodius, Skopje, Macedonia
Michele LENOBLE PINSON, International Council of French Language, Paris, France, University Saint-Louis, Bruxelles, Belgium
Silvia POKRIVCAKOVA, (editor-in-chief by honour), Constantine the Philosopher University Nitra, Slovakia
Linas SELMISTRAITIS, Vilnius Pedagogical University in Vilnius, Lithuania

Editorial board:
Pavol ADAMKA, CPU Nitra; Monika ANDREJCAKOVA, CU Bratislava; Frederic DELANEUVILLE, CU Bratislava; Bozena HORVATHOVÁ, CPU Nitra; Emilia JANECOVA, CPU Nitra; Maria LALINSKA, CPU Nitra; Katerina VYCHOPNOVA, CU Prague

Graphics and design: Pavol ADAMKA
Photo: Martin BIRO

CONTENTS

Scientific studies

Language as a State of Ethno-Cultural Consciousness
Nikolay Alefirenko … 2

Social and Normative Meanings in Lexis of Semantic nd Motivational Field "Labour"
Tatyana Leontyeva … 19

The Uses of the Past. Anastasius Grün's Political Ideasin the Field of Fiction
Marija Javor Briski … 31

Importance of Cultural Elements in Alexander McCall Smith's Detective Fiction
Jana Waldnerova … 41

Coherence of Historical Genre for Young People (between Fact and Fiction)
Eva Vitezova … 49

Teaching Strategy on Learning of English Phrasal Verbs by Economics Major Students in Russia
Dinara G. Vasbieva … 57

The Compatriot Magazine "Jednota": A Mirror of Hundred-Year History of Slovak Immigrants in the USA
Michaela Bakay-Zahorska – Zdena Kralova … 66

The Author in Fiction Literature Communication
Elena B. Savelyeva – Elena A. Lineva … 76

Book reviews

Audiovizuálny preklad na Slovensku v teórii a praxi
Andrej Zahorak … 91

Abstracts 93

The Author in Fiction Literature Communication

[Автор в художественной коммуникации]

Elena Borisovna Savelyeva – Elena Alexandrovna Lineva

DOI: 10.18355/XL.2015.08.03.76-90

Аннотация
В статье рассматривается проблема автора художественного текста жанра автобиографии, являющегося активным субъектом вербальной деятельности, в связи с его отношением к реальной действительности. Материалом для эмпирического исследования является автобиографическая проза Андре Жида всецело отражающая своеобразие художественного мира французского писателя. Цель работы состоит в выявлении и фиксации факта коммуникативного события, в котором отчетливо проявляются характерные признаки, присущие автору-комуниканту. Принятая методологическая основа изучаемой проблематики позволяет проанализировать особенности формирования образа автора, его позиции и речевой партии, которые включены в акт художественной коммуникации, что представляет собой очевидную новизну и диктуется отсутствием специальных научных исследований по данному вопросу. В результате установлено – автобиографическое сочинение является коммуникативным событием, так как предполагает наличие непосредственной связи между автором и читателем.

Ключевые слова
автор, художественная коммуникация, автобиографический текст, авторская идентичность, коммуникативное событие, память

Введение

Особый интерес и в лингвистике и в литературоведении вызывает проблема *автора* в художественном произведении. Так, С.В. Перевалова (Перевалова, 1998) в своей докторской диссертации определяет литературоведческий статус образа автора, формы и способы проявления авторского сознания в различных типах повествования в русской литературе 1970-1980-х годов. Изучению лингвистических средств реализации образа автора в текстах немецких романтических литературных сказок (В. Гауфф, Э.Т.А. Гофман, К. Брентано) посвящена диссертация О.Н. Гронской (Гронская, 1987). Анализ видов и способов выражения авторской интенции в драматических произведениях современных немецкоязычных швейцарских писателей (М. Фриш, Ф. Дюрренматт) стал предметом диссертационного исследования Е.И. Ерёменко (Ерёменко, 1998). Вопросу изучения языковой специфики в процессе формирования образа автора в англоязычном литературно-художественном тексте посвящена монография М.Г. Бахтиозиной (Бахтиозина, 2009). В докторской диссертации О.С. Мельничук (Мельничук, 2002) подробным образом анализируется роль композиционных и грамматических средств в выявлении авторского сознания в художественных произведениях с повествованием от первого лица на материале современной франкоязычной литературы. В определенной степени проблема автора на основе художественных сочинений на языках романской группы затрагивается в диссертациях С.В. Михайловой (Михайлова, 2012), О.В. Пермяковой (Пермякова, 2007), в научной публикации Магды Кучерковой (Kučerková, 2012).

Ярким свидетельством изученности вопроса субъекта в жанре автобиографии является диссертационное исследование Рындина С.Б. «Фигуры автобиографического субъекта в сюрреалистической и экзистенциалистической прозе («Возраст мужчины» М. Лейриса, «Слова» Ж-П. Сартра)». (Рындин, 2005) В указанной работе обозначено важное положение о коммуникативном «расщеплении *Я* в высказывании на *Я* акта высказывания / высказывания-процесса и *Я* произведенного высказывания / высказывания-результата» в рамках «конкретного/абстрактного автора» нарративного уровня относительно макроуровня художественной коммуникации литературного текста». (Рындин, 2005: 31)

Такого рода «художественная коммуникация» (Самарская, 2008:25), где общение осуществляется посредством «литературного дискурса» (Alefirenko, 2014:39), наиболее ярко раскрывает представленные в ней личности, а именно – личность его создателя (автора) и личность (личности) представленного в ней персонажа (персонажей) в рамках «феномена внутреннего, идеального, психического мира человека – памяти», обнаруживающей «коммуникативную природу» (Shamne – Petrova –Rebrina –Milovanova, 2014:45).

Цель, методы, актуальность

Выявление и фиксация факта коммуникативного события, «специфика подобной коммуникации», «коммуникативные стратегии» автора, (Ageeva, 2014:46-47) в которых отчетливо проявляется авторская интенция, языковые особенности автора-коммуниканта являются ***целью*** данной работы. Проведенное исследование строится на методологической основе, включающей ***метод*** *непосредственного наблюдения материала* с последующим обобщением результатом анализа, а также *контекстуально-интерпретационный* ***метод*** с использованием внутритекстового анализа в ассоциативно-вербальном пространстве языковой личности автора автобиографического сочинения, находящейся в «когнитивном фокусе коммуникативного события». (Alefirenko, 2014:37) *(перевод авторов)*

Выбор общего исследовательского направления в круге лингвистических проблем о присутствии, значении и роли автора в тексте художественного автобиографического произведения, его речевой партии и его образа обусловливается стремлением максимально использовать возможности коммуникативной парадигмы с ее основополагающими принципами деятельности, системности, функциональности и антропоцентризма. Личностно-ориентированное деятельностное направление научных исследований, где личность выступает как активный субъект деятельности, прежде всего вербальной, с позиций коммуникативных стратегий автора художественного произведения автобиографического жанра *является* ***актуальным*** *и перспективным*, прежде всего, в связи с антропоцентрической направленностью современной гуманитарной науки.

Предмет исследования – *автор* и его образ в рамках теории коммуникации и непосредственно в *художественной коммуникации* определяет *научную новизну исследования.* С позиций коммуникативно-функциональной методологии изучения языковой действительности вопрос коммуникативных стратегий художественной речи является ключевым и заслуживающим внимания. «Речь, традиционно рассматриваемая как явление акта коммуникации, становится местом экспрессии: высказывание отныне является таким объектом, ответственность за который несет речевой субъект. А сам процесс высказывания начинает описываться как устанавливаемая речевым субъектом дистанция между ним самим и произведенным высказыванием». (Рындин, 2005: 31) Данное положение,

по нашему мнению, становится определяющим показателем художественного коммуникативного процесса, в которое включен сам автор.

Художественный текст и его особенности

Особенностью художественного текста, в том числе автобиографического, является его многомерность. Художественный текст характеризуется предельной функционально-смысловой нагруженностью всех его элементов, является материальной формой существования некоторого идеального содержания и объединяет в себе, по мнению Е.Г.Самарской, четыре своеобразных диалога, каждый из которых выполняет определенную роль. Это, во-первых, диалог между писателем и той аудиторией, к которой он обращается и кому адресует свое произведение. Во-вторых, это диалог тех личностей, которые представлены в самом тексте, то есть героев самого произведения. В-третьих, это диалог между автором и его героями. И, наконец, это диалог между героями текста и читательской аудиторией. Каждый диалог не существует сам по себе, а является частью целого комплекса отношений, на которых базируется коммуникативная цепочка «автор (писатель) – текст (художественное произведение) – реципиент (читательская аудитория)». (Самарская, 2008:24-29)

В силу того, что художественный текст функционирует в качестве определенной *единицы коммуникации* между автором и читателем и, что литературное автобиографическое повествование как коммуникативное событие, как акт и факт художественной коммуникации, обладает своей стратегией и синергетикой, его можно рассматривать как диалогический и многовекторный процесс, происходящий одновременно на нескольких уровнях структуры произведения. (Шунников, 2006:13)

Автобиографический текст как материал для исследования

Анализируемое автобиографическое наследие французского писателя Андре Жида в силу исторических, политических и этических причин, не совсем известно российскому читателю, оно не было объектом детального изучения отечественных филологов, особенно лингвистов. Безусловно, его многоплановое, разножанровое творчество отражает своеобразие художественного мира писателя. В связи с чем, исследование особенностей формирования **образа автора, его позиции, речевой партии, включенных в акт коммуникации в рамках** художественного автобиографического текста, представляет собой очевидную новизну и диктуется отсутствием специальных исследований по данному вопросу.

Объективируя свои предметные знания, человек одновременно интерпретирует мир, передавая свое личное отношение языковыми средствами. Он передает свое мироощущение и свое миропонимание того времени, о котором он пишет, создавая свое дискурсивное пространство, свой *референциальный мир*, мир автобиографического текста в соответствии со своими представлениями о тех событиях его жизни, которые имели место в определенном времени и пространстве. Именно в тексте жанра автобиографии передаваемые сообщения позволяют отметить важную черту: с одной стороны, это описание жизни в рамках личного пространства и времени, поскольку говорящий описывает события своего жизненного пути, свою биографию, а с другой – это выход за пределы личного пространства и включение своей личности в рамки объективного мира. Событие, являющееся значимым для личности, демонстрирует сложную систему всего ее жизненного пути». (Самарская, 2008:25) Несомненно, образ автора складывается из многоплановой системы моделей, проходящих по цепочке автор – текст – реципиент (читатель

(Бахтиозина, 2009:17)

В своей статье «Авторский комментарий как речевой жанр» О.В. Щелкунова убедительно констатирует, что: « … базовая коммуникативная структура при рассмотрении художественного текста – это структура "Писатель – Произведение – Читатель". Эта структура есть реальная структура, в которой взаимодействуют реальные люди, которая развивается в реальном времени и пространстве». (Щелкунова, 2007:55) Далее обосновывается положение, при котором «помимо основной коммуникативной структуры, в которую вовлечен художественный текст, внутри него самого моделируются канонические коммуникативные ситуации, представленные как диалогические взаимодействия по классической схеме "Говорящий – Текст – Слушающий"». (Щелкунова, 2007:55) Кроме того, рассматривая авторский комментарий как универсальную категорию художественного дискурса, О.Н. Щелкунова приходит к выводу, что он «может выполнять различные функции, характеризуя различные аспекты коммуникативной ситуации, среди которых можно выделить такие элементы, как 1. *участники;* 2. *речевой материал*; 3. *неречевые коммуникативные действия* (Cornier – Schembri, – Woll B, 2013: 230-247; Lücking – Pfeiffer – Rieser, 2015: 56-79); 4. *целевые компоненты речевого акта* (Ageeva, 2014:46-61)*;* 5. *условия осуществления речевого акта. <…>* ». (Щелкунова, 2007:57) Учитывая «близость» жанров – автобиографического и авторского комментария считаем данные выводы целесообразными и полностью их разделяем.

Очевидно, что авторское присутствие в тексте имеет разнообразные выражения, подчас в виде самых откровенных и пронзительных признаний. В одном из начальных фрагментов воспоминаний, Андре Жид, отчетливо осознавая, что может оттолкнуть читателя подобной правдой, тем не менее, пишет о своих детских «дурных привычках», с первых страниц, по словам А. Камю «оголяясь» перед читателем, пытаясь быть искренним и честным: **1**

1 ***Je sais de reste le tort que je me fais en racontant ceci*** *et ce qui va suivre ;* ***je pressens*** *le parti* ***qu'on en pourra tirer contre moi****. Mais mon récit n'a raison d'être que* véridique*. Mettons que c'est par pénitence que je l'écris.*

A cet âge innocent *où l'on voudrait que toute l'âme ne soit que transparence, tendresse et pureté,* ***je ne revois en moi qu'ombre, laideur, sournoiserie****.* (Gide, 2009:10) – '**Впрочем, я знаю, какой вред наношу себе**, рассказывая об этом, и каковы будут последствия, **предчувствую**, **что мой рассказ будет обращен против меня.** Но он имеет право на существование, в силу того что он *правдив* (*выделено А. Жидом*). Предположим, что **я пишу об этом из раскаяния.**

В том невинном возрасте, в котором в любой детской душе хотелось бы видеть только прозрачность, нежность и чистоту, **в моей были мрак**, **уродство и скрытность**'. (Жид, 2002:8)

Характер и способы общения автора с читателем на протяжении всего повествования отражают процесс формирования его образа, способствуют раскрытию его идентичности. Последовательно представляя те или иные факты из жизни главного персонажа, порой достаточно банальные, **2** А. Жид использует свой богатый арсенал языковых средств, повествуя об эмоциональном состоянии героя, его чувствах, настроении, переживаниях, поступках. **3** В целом, перед читателем возникает не автопортрет протагониста автобиографического события, а автоинтерпретация (Самарская, 2008) личности, находящейся в процессе творческого самопознания, основанных на воспоминаниях как «способности "инструментального" употребления внутренних элементов опыта» .(Shamne – Petrova – Rebrina – Milovanova, 2014:39)

2 *J'avais six ans quand nous quittâmes la rue de Médicis.* ***Notre nouvel appartement, 2, rue de Tournon, au second étage, formait angle avec la rue Saint-Sulpice****, sur quoi donnaient les fenêtres de la bibliothèque de mon père ; celle de ma chambre ouvrait sur une grande cour.* (Gide, 2009:11) – 'Мне было шесть лет, когда мы покинули улицу Медичи. **Наша новая квартира на третьем этаже дома № 2 по улице Турнон была угловой**, окна рабочего кабинета моего отца выходили **на улицу Сен-Сюльпис**; окна моей комнаты смотрели во двор …'. (Жид, 2002:9)

3 *Je m'avançai. La cousine de Flaux m'attira contre elle en se baissant, ce qui découvrit son épaule.* ***Devant l'éclat de cette chair, je ne sais quel vertige me prit:*** *au lieu de poser mes lèvres sur la joue qu'elle me tendait, fasciné par l'épaule éblouissante, j'y allai d'un grand coup de dents. La cousine fit un cri de douleur; j'en fis un d'horreur;* ***puis je crachai, plein de dégoût****.* (Gide, 2009:10-11) – 'Я сделал несколько шагов. Кузина, наклоняясь, притянула меня к себе, плечо ее оголилось. **От блеска ее тела у меня словно помутилось в глазах**: вместо того, чтобы коснуться губами обращенной ко мне щеки, я завороженный ослепительным плечом, со всей силы впился в него зубами. Кузина вскрикнула от боли, а я – **от ужаса и с отвращением сплюнул**'. (Жид, 2002:9)

Представляется интересной точка зрения И.А. Минаковой, которая в своей статье «Художественное время как ключ к ментальному и психологическому пространству личности автора и персонажа», определяет наиболее существенные особенности, представляющие автора как главного коммуниканта процесса создания и реализации художественной речи. Разделяя предложенные положения, считаем правомочным и целесообразным, связать данные теоретические обоснования с анализируемым текстовым материалом. На наш взгляд, автор, позиционирующий себя в качестве главного фигуранта автобиографического события, полностью отвечает определенным И.А. Минаковой характерным признакам, присущим главному участнику коммуникативного процесса, а именно:

– «динамики» и темперамента самой личности автора или персонажа; **4**

– лингвокультурологических особенностей (менталитет, культурная традиция, тип и их ритм, динамику); **5**

– половозрастных особенностей; **6**

– значимости тех или иных событий для человека; **7**

– доминирования состояния или событийности на определенном этапе жизни личности». (Минакова, 2009: 23) **8**

В рамках вышеизложенных положений, проведя лингвистический анализ содержания сочинения А. Жида, можно констатировать, что ключевые особенности выражения и фиксации авторской личности проявляются в нем в полной мере, об этом свидетельствуют нижеприведенные примеры: **4**, **5**, **6**, **7**, **8**

4 *Cette première amitié dura peu. Mouton cessa bientôt de venir. <...>* ***Mais mon vrai désespoir*** *commença lorsque je compris que Mouton devenait aveugle. < ... > « Il ne peut déjà plus retrouver sa bouche ! » Phrase absurde assurément, car il n'est nul besoin de la vue pour trouver sa bouche sans doute, et je le pensai tout aussitôt – mais qui me consterna néanmoins.* ***Je m'en allai pleurer dans ma chambre****, et durant plusieurs jours m'exerçai à demeurer longtemps les yeux fermés, à circuler sans les ouvrir, à* ***m'efforcer de ressentir ce que Mouton devait éprouver.*** (Gide, 2009:14) – 'Эта первая дружба длилась недолго. Вскоре Барашек перестал ходить в Люксембургский сад. <…>. **Но подлинное отчаяние** я испытал, когда понял, что Барашек *(друг детства А. Жида – прим. авторов)* ослеп. < … > «Он больше не может найти свой рот!» Эта нелепая фраза – кто же нуждается в зрении, чтобы найти свой рот, и об этом сразу же подумал, – **меня глубоко**

потрясли. **Я пошел плакать** к себе в комнату и с тех пор довольно долго время пытался ходить с закрытыми глазами'. (Жид, 2002:11)

5 ***La littérature enfantine française*** *ne présentait alors guère que des ineptie et je pense qu'il eût souffert s'il avait vu entre mes mains tel livre qu'on y mit plu tard, de* ***Mme de Ségur*** *par exemple – où je pris, je l'avoue, et comme à peu près tou les enfants de ma génération, un plaisir assez vif, mais stupide – un plaisir non plu vif heureusement que celui que j'avais pris d'abord à écouter mon père me lire des scènes de* ***Molière****, des passages de* ***l'Odyssée, La Farce de Pathelin****, les aventures* ***de Sindbad*** *ou celles* ***d'Ali-Baba*** *et quelques bouffonneries de la Comédie italienne, telles qu'elles sont rapportées dans* ***les Masques de_Maurice Sand****, livre où j'admirais aussi les figures* ***d'Arlequin, de Colombine, de Polichinelle ou de Pierrot****, après que, par la voix de mon père, je les avais entendus dialoguer.* (Gide, 2009:16) – '**Французская литература для детей** тогда представляла собой верх нелепости, и, мне кажется, отец бы страдал, увидев у меня в руках книжку из тех, какие я стал читать позже, вроде, например, сочинений госпожи **де Сегюр**, которые признаюсь, доставляли мне, как почти всем детям моего поколения, живейшее, хотя и дурацкое удовольствие, к счастью, не живее того, что испытал я от отцовского чтения, слушая сцены **из комедий Мольера**, отрывки из **«Одиссеи»**, **«Фарс о Патлене»**, приключения **Синбада** и **Али Баба** и шутовские сценки итальянской комедии из сборника Мориса Санда «Маски», и вдобавок любовался изображениями **Арлекина**, **Коломбины**, **Полишенеля** и **Пьеро**, после того как услышал их разговоры в исполнении отца. ' (Жид, 2002:13)

6 *Depuis ma cinquième année, mes parents me faisaient suivre des cours enfantins chez Mlle Fleur et chez Mme Lackerbauer.*

< ... >Tandis que les petits, dont j'étais, pâlissaient sur les alphabets ou sur des pages d'écriture, les grands – ou plus exactement: les grandes < ... > s'agitaient beaucoup autour des répétitions d'une représentation à laquelle devaient assister les familles. On préparait un acte des Plaideurs : les grandes essayaient des fausses barbes ; et ***je les enviais d'avoir à se costumer; rien ne devait être plus plaisant****.* (Gide, 2009:18-19) – 'Когда мне исполнилось пять лет, родители стали водить меня на занятия к мадемуазель Флер и мадам Лакербауэр. <…> В то время как малыши, в том числе и я, пыхтели над азбукой и прописями, дети постарше, девочки – суетились, репетируя какую-нибудь пьесу, < … >. Помню, как девочки готовили сцену из «Сутяг» Расина: они приклеивали бороды, **а я завидовал их переодеваниями**, **мне казалось**, **нет ничего увлекательнее**'. (Жид, 2002:15)

7 *Décidement le diable me guettait; j'étais tout cuisiné par l'ombre, et rien ne laissait pressentir par où pût me toucher un rayon.* ***C'est alors que survint l'angélique intervention que je vais dire, pour me disputer au malin****. Evénement d'infiniment modeste apparence, mais important dans ma vie autant que les révolutions pour les empires ; première scène d'un drame qui n'a pas achevé de se jouer.* (Gide, 2009:120) – 'Решительно я был добычей дьявола; внутри у меня был сплошной мрак, и ничто не предвещало никакого просвета. **Тогда и появился ангел**, **о котором я хочу рассказать**, **призванный оспорить меня у злого духа**. Само по себе внешнее событие было незначительным, но в моей жизни оно имело такое же значение как революция для империи, это было начало драмы, продолжающейся до сих пор'. (Жид, 2002:96)

8 … ***Souvent je me suis persuadé que j'avais été contraint à l'oeuvre d'art****, parce que je ne pouvais réaliser que par elle l'accord de ces éléments trop divers, qui sinon fussent restés à se combattre, ou tout au moins à dialoguer en moi. Sans doute ceux-là seuls sont-ils capables d'affirmations puissantes, que pousse en un seul sens l'élan de leur hérédité.* (Gide, 2009:17) – '… **Я частенько твердил себе**, **что обречен на литературное творчество**: только оно могло примирить

раздиравшие меня разнородные стихии, которые в противном случае так и вели бы нескончаемую борьбу или спорили бы во мне. Созидательной силой одаряет, без сомнения, наследственность, органично сплавленная в единый поток'. (Жид, 2002:17)

Как утверждает О.А. Мельничук: « … мир произведения, созданный автором, это вымышленный мир. Под художественным вымыслом понимается акт художественного мышления; все то, что создается воображением писателя, его фантазией: действия, совершаемые персонажами в определенном пространственно-временном мире. Вымысел определяется авторскими интенциями, так как языковые средства не обладают теми свойствами, которые могли бы характеризовать текст как вымышленный. Текст не противостоит действительности, основан на жизненном опыте писателя, но является особой, присущей только искусству формой отражения жизни, ее познания и обобщения. Использованный в произведениях с автобиографическими фактами вымысел предоставляет автору свободу, позволяет ему освободить свое признание от узости фактов и от желания автора оставаться им верным». (Мельничук, 2002:72)

Биографы А. Жида, литературоведы, исследователи творчества, доподлинно знающие факты жизни писателя, без труда обнаружат в самом «автобиографическом» из написанных романистом произведений авторский вымысел, к которому писатель прибегал исходя из желания постоянного диалога с читателем. Кроме того, не следует забывать, что автобиографическое сочинение – произведение художественной литературы, и автобиограф не свободен от вымысла и неправдивого представления своей жизни. Вместе с тем, исповедальный характер анализируемой прозы, определяет сверхзадачу, которую ставил перед собой А. Жид. Она побуждает писателя, еще до публикации передать свои воспоминания человеку, которому он доверяет, и чье мнение высоко ценит – известному французскому романисту Роже Мартен дю Гару. **9**

9 *Roger Martin du Gard, à qui je donne à lire ces Mémoires, leur reproche de ne jamais dire assez, et de laisser le lecteur sur sa soif.* ***Mon intention pourtant a toujours été de tout dire. Mais il est un degré dans la confidence que l'on ne peut dépasser sans artifice****, sans se forcer; et je cherche surtout le naturel. Sans doute un besoin de mon esprit m'amène, pour tracer plus purement chaque trait, à simplifier tout à l'excès; on ne dessine pas sans choisir; mais le plus gênant c'est de devoir présenter comme successifs des états de simultanéité confuse. Je suis un être de dialogue; tout en moi combat et se contredit.* ***Les Mémoires ne sont jamais qu'à demi sincères, si grand que soit le souci de vérité****: tout est toujours plus compliqué qu'on ne le dit. Peut-être même approche-t-on de plus près la vérité dans le roman.* (Gide, 2009:280) – 'Роже Мартен дю Гар, которому я даю читать мои воспоминания, упрекают меня в том, **что все время чего-то недоговариваю** и оставляю у читателей чувство неудовлетворенности. А ведь я собирался говорить все. **Но в исповеди есть предел: за ним начинается искусственность и принуждение**, а я стремлюсь, прежде всего, к естественности. Наверное, так уж устроен мой ум: чтобы четче все обрисовать, я слишком все упрощаю; рисунок получается только при условии выбора, но самое досадное, что приходится изображать в последовательности те состояния, что были в свое время слиты воедино. Мне по натуре близок диалог (*выделено А. Жидом*), все во мне замешано на борьбе и противоречиях. **Воспоминания всегда искренни лишь наполовину, как бы мы не пеклись о правде**: все гораздо сложнее, чем об этом говоришь. Быть может, больше приближаешься к истине в романе'. (Жид, 2002:280)

Рассматривая литературный дискурс, в том числе автобиографический не только как «словесную конструкцию», (Линева, 2014) но и как социальный

акт (Potter – Wetherell, 1987; Macaulay, 2005), один из самых ярких теоретиков которые занимаются проблемами автобиографического творчества и, как следствие автобиографической коммуникации Филипп Лёжён, в своих трудах обращает внимание на желание писателя, прежде всего, искренне понять и прочувствовать свою жизнь, на обещание автора говорить только правду и свидетельствовать о реальности. (Торопова – Савельева 2014; Савельева 2014a; Савельева 2014b)

Пронзительное по своей искренности сочинение Андре Жида «Если зерно не умрет …» является образцом исповедального желания: **10**

10 ***Les faits dont je dois à present le récit, les mouvements de mon coeur et de ma pensée, je veux les présenter dans cette même lumière qui me les éclairait d'abord, et ne laisser point trop paraître le jugement que je portai sur eux par la suite.*** *D'autant que ce jugement a plus d'une fois varié et que je regarde ma vie tour à tour d'un oeil indulgent ou sévère suivant qu'il fait plus ou moins clair au-dedans de moi. Enfin, s'il m'est récemment apparu qu'un acteur important : le Diable, avait bien pu prendre part au drame,* ***je raconterai néanmoins ce drame*** *sans faire intervenir d'abord celui que je n'identifiai que longtemps plus tard. Par quels detours je fus mené, vers quel aveuglement de bonheur,* ***c'est ce que je me propose de dire.*** (Gide, 2009:283) – **'Я намерен представить события, к которым я теперь перехожу, мои мысли чувства той поры в их первозданности.** Тем более что оценки не раз менялись; я сужу о собственно жизни то снисходительно, то сурово в зависимости от того, что преобладает у меня в душе – свет или мрак. И если недавно мне пришла в голову мысль, что без важного действующего лица, Дьявола, не обошлось в этой драме, **я все же поведаю о ней,** не допуская вмешательства той силы, которую смог распознать, лишь гораздо позже. Какими извилистыми путями шел я и как был ослеплен счастьем – **вот, о чем я хочу рассказать'**. (Жид, 2002:223)

Автобиографизм и коммуникация

Необходимо обратить внимание на определение понятия *автобиография*, которое предлагает автор концептуальных трудов по автобиографическому жанру: «Ретроспективный рассказ в прозе, в котором реальный человек повествует о своем собственном существовании, делая акцент на своей индивидуальной жизни, в частности на истории своей личности». (Lejeune, 1975:14) (*перевод авторов*) Сформулировав определение, Лёжён говорит также о четырех категориях, на основании которых можно отнести какой-либо нарративный текст к тексту жанра автобиографии. В кратком изложении они представляют собой следующую структуру, различаясь:

1. По форме высказывания:
– рассказ;
– в прозе.
2. По предмету высказывания:
– индивидуальная жизнь;
– история личности.
3. По положению автора:
– идентичность автора (имя которого отсылает к реальному человеку);
– идентичность нарратора.
4. По положению нарратора:
– идентичность нарратора и главного персонажа;
– ретроспективность повествования.

По Лёжёну, строгость и соответствие базовым характеристикам, детерминирующим автобиографию как жанр субъективного повествования, а именно наличие в тексте произведения обязательных «автобиографических»

признаков (точная дата рождения, указание на место жительства, конкретные биографические сведения и т.д.) и без которых невозможен факт подлинной автобиографии, находят свое отражение в сочинении Жида: **11**, **12**

11 ***Je naquis le 22 novembre 1869****. Mes parents occupaient alors, rue de Médicis, un appartement … .* (Gide, 2009:9) – '**Я родился 22 ноября 1869 года. Мои родители занимали тогда квартиру на улице Медичи** … .' (Жид, 2002:7)

12 ***J'écrirai mes souvenirs comme ils viennent, sans chercher à les ordonner****. Tout au plus les puis-**je grouper autour des liuex et des êtres**; ma mémoire ne se trompe pas souvent de place; mais elle brouille les dates; je suis perdu si je m'astreins à de la chronologie. A reparcourir le passé, je suis comme quelqu'un dont le regard n'apprécierait pas bien les distances et parfois reculerait extrêmement ce que l'examen reconnaîtra beaucoup plus proche.* (Gide, 2009:24) – '**Я буду писать о том, что припоминается, не стараясь упорядочить воспоминаний. Самое большее, что я могу, это сгруппировать их вокруг каких-то мест, каких-то людей**; память моя редко ошибается относительно мест, зато в датах я путаюсь, и хронологический принцип для меня просто гибелен. Прошлое я оглядываю как человек, чей взор плохо оценивает расстояние и порой относит гораздо дальше то, что на самом деле находится куда ближе'. (Жид, 2002:19)

В связи с этим, можно принять, что по Лёжёну «автобиография – это не текст, в котором некто говорит правду о себе. Текст автобиографии и текст художественного произведения будут читаться абсолютно по-разному. <…> Автобиографический пакт производит возбуждающее действие (он возбуждает любопытство, доверчивость, прямую вовлечённость), но также и действие устрашающее, < … >. Автобиографический пакт привязчив: автор ждёт от вас любви, дружбы – либо уважения и восхищения, которые вы, быть может, не готовы ему дать». (Lejeune, 1975:238) (*перевод авторов*)

Проблема автора автобиографического сочинения, затронутая Лёжёном, интересна еще и тем, что с позиций художественной коммуникации для адресата (читателя) крайне важно произвести не только идентификацию рассказчика, главного персонажа, но и, прежде всего, самого автора.

Подчеркнем, что создавая собственный образ, автор автобиографического произведения представляет, прежде всего, уникальный опыт самоосознания и самопознания себя как отдельного человека, как личность. Представление самого себя – это не только факт самоидентификации, но и цепь самооценок, что у Жида отчетливо проявляется. Достаточно регулярно в тексте произведения встречаются пассажи о познании самого себя, о смысле этого познания, особенно через призму отношений с близкими людьми, отцом и матерью что, безусловно, приводит к авторской самоидентификации. Обратимся к примерам: **13**, **14**

13 *Je me souvient fort bien qu'alors **ma mère comparait l'enfant que j'étais au peuple hébreu** et protestait qu'avant de vivre dans la grâce il était bon d'avoir vécu sous la loi. **Je pense aujourd'hui que ma mère était dans le vrai**; n'empêche qu'en ce temps je restais vis-à- vis d'elle dans un état d'insubordination fréquente et de continuellee discussion, tandis que, sur un mot, mon père eût obtenu de moi tout ce qu'il eût voulu.* (Gide, 2009:16) – 'Я хорошо помню, **как мать тогда сравнивала меня, ребенка, с еврейским народом,** настаивая, что, прежде чем жить под сенью благодати, ему необходимо было пожить под сенью закона. **Теперь мне кажется, что права была мать**; но в те времена я часто слушался ее и непрерывно спорил, тогда как отцу достаточно было одного единственного слова, чтобы добиться от меня чего угодно'. (Жид, 2002:12)

14 … *Mais* ***j'étais*** *alors on ne peut moins sceptique, et,* ***de plus, parfaitement ignorant. incurieux même, des oeuvres de la chair***. (Gide, 2009:59) – 'Но в то время **я ни о чем не подозревал и к тому же в делах плоти был совершенно невежествен и даже не испытывал к подобным вещам никакого интереса**'. (Жид, 2002:48)

Необходимо отметить также, что в целом проблематика авторской идентичности во французской художественной литературе не являлась предметом диссертационных и монографических исследований в отечественной лингвистике. Об этом свидетельствует проведенный нами анализ публикаций в процессе подготовки данной статьи. Отчасти вопрос, касающийся идентичности автора затрагивается в выше указанных диссертационных работах О.С. Мельничук (Мельничук, 2002) и Михайловой С.В. (Михайлова, 2012)

При исследовании автобиографической прозы Андре Жида наиболее приемлемой представляется позиция, согласно которой формирование образа автора в эго-сочинениях определяется тем, «насколько автор идентифицирует себя с рассказчиком или желает такого рода идентификации со стороны читателя, а также от того, какую роль и место писатель отводит повествователю». (Бахтиозина, 2009:31) Подобная идентификация подтверждается фактом частоты употребления персонального Я (*Je*), в компании с другими дейктическими маркерами, относящимися к 1-му лицу единственного числа и указывающими на *идентичность автора, рассказчика и главного героя*, относясь к одному и тому же человеку, что подтверждается ниже приведенным отрывком (Liddell, 2000b; McNeill – Casell – Levy, 1993; Saxena, 2006; Савельева, 2013): **15**

15 ***Mon*** *secret tenait en* ***mon*** *coeur tant de place que* ***je m****'étonnais de n'en pas tenir,* ***moi****, une plus importante dans ce monde. Tout au plus pouvais-****je*** *pardonner aux autres de ne pas reconnaître que* ***j'****étais changé; du moins, près d'eux,* ***moi****,* ***je*** *ne* ***me*** *sentais plus le même ;* ***j'****avais à dire des choses nouvelles, et* ***je*** *ne pouvais plus leur parler.* ***J'****eusse voulu les persuader et leur délivrer* ***mon*** *message, mais aucun d'eux ne se penchait pour* ***m'****écouter. Ils continuaient de vivre; ils passaient outre, et ce dont ils se contentaient* ***me*** *paraissait si misérable, que* ***j'****eusse crié de désespoir de ne les en persuader point.*

Un tel état d'estrangement (dont ***je*** *souffrais surtout auprès des* ***miens****)* ***m'****eût fort bien conduit au suicide, n'était l'échappement que* ***je*** *trouvai à le décrire ironiquement dans* Paludes. (Gide, 2009:319) – '**Мой** секрет занимал в **моем** сердце столько места, что **я** не удивился, не сумев сохранить её (*тайну своего возрождения – прим. авторов*), самую важную в этом мире. Более того, ***я*** мог простить другим, что они не поняли, что **я** изменился; по крайней мере, **я** не чувствовал себя тем же. **Я** должен был сказать нечто новое, а **я** не мог больше говорить с ними. **Я** бы хотел их убедить, сообщить им, но, ни один из них не был расположен **меня** выслушать. Они продолжали жить; они не обращали внимания, на то, чем они довольствовались, **мне** казалось таким ничтожным, что **я** кричал от безнадежности, что не могу их в этом убедить Такое состояние отчаянного раздвоения (от которого **я** особенно страдал перед родными), чуть было не привело **меня** к суициду, и выход из этого положения **я** нашел в том, что в иронической манере описал это в *Топях*. …'. (Жид, 2002:251-252)

Рассказчик, будучи «персонифицированным субъектом изображения» (Тамарченко, 2004:241), есть лицо, лицо, которому передана нарративная функция. «Он связан с определенной социально-культурной и языковой средой < … >». Движения рассказчика в пространстве и времени лимитированы. Поэтому его представления о происходящем не могут быть исчерпывающими (хоть и объемнее, чем у других персонажей)». (Тамарченко, 2004:241) Сам Андре Жид отмечает, что свои воспоминания он излагает, не всегда соблюдая их

хронологическую последовательность. Они группируются вокруг людей, которые окружали его, и тех мест, где все происходило, он не всегда точен в датах и деталях. Что также подтверждается многочисленными авторскими отступлениями. Например, описывая впечатления матери по поводу ее поездки с отцом в небольшой городок Юзес, он вдруг прерывает свой рассказ, вспомнив о каких-то событиях, но тут же замечает, что об этом он напишет позднее, правда, еще не знает, в каком месте. И напоминает, что он с большим удовольствием ассоциирует свои воспоминания о каких-либо событиях с местом, чем со временем их осуществления. **16**

16 *Aux abords du Gardon croissaient des asphodèles, et, dans le lit même du fleuve, presque partout à sec, une flore quasi tropicale ...* ***Ici je quitte un instant la guimbarde; il est des souvenirs qu'il faut que j'accroche au passage, que je ne saurais sinon où placer. Comme je le disais déjà, je les situe moins aisément dans le temps que dans l'espace****, et par exemple* ***ne saurais dire en quelle année Anna vint nous rejoindre à Uzès****, que sans doute ma mère était heureuse de lui montrer; mais ce* ***dont je me souviens avec précision c'est de l'excursion que nous fîmes du pont Saint-Nicolas à tel village non loin du Gardon, où nous devions retrouver la voiture***. (Gide, 2009:37-38) – 'По берегам Гордона росли асфодели, а в самой реке, на ее обычно сухом ложе, – почти тропическая флора. … **Здесь я на короткое время покину везущий нас рыдван; есть воспоминания, которые я должен мимоходом закрепить, иначе я не уверен, что найду им место впоследствии. Я уже говорил, что легче располагаю события в пространстве, чем во времени. Так, я не могу сказать, в каком году Анна впервые приехала к нам в Юзес** – наверное, мать была счастлива показать ей его, **но я хорошо помню, как мы шли от моста в Сен-Никола к какой-то деревушке неподалеку от Гордона, где должны были сесть в повозку**'. (Жид, 2002:30)

Как отмечает выдающийся отечественный филолог М.М. Бахтин, рассказчик в художественном произведении словно «прикован к своему герою, не может отойти от него на должную дистанцию, чтобы дать резюмирующий и цельный образ его поступков и действий <...>», «рассказчик находится в непосредственной близости к герою и к совершающемуся событию, …». (Бахтин, 1972:387) В этой связи характерными особенностями повествования является достаточно частое указание Андре Жида на периоды его возраста, особенно регулярны они в первой главе. Например: *alors que je n'avais que quatre ans; j'avais six ans; j'avais sept ans; quand je fus un peu plus grand / тогда как мне было только четыре года; мне было шесть лет; мне было семь лет, когда я стал немного старше и т.д.*, по всей видимости, это связано с желанием автора придать особый акцент отдаленным по времени событиям, вставив их в хронологические рамки, а также заострить внимание читающего на процессе самоидентификации героя.

В случае с рассказчиком различия между «говорящим» и «действующим» значительно меньше. Также, по мнению Н.Д. Тамарченко «Повествователь не просто дистанцирован от действия – он располагается «на границе» художественной действительности. В связи с этим он обладает все-видением и все-ведением – у него «всеобъемлющий кругозор (совпадает с границами изображаемого мира)» (Тамарченко, 2004:239), а его взгляд предельно проницателен (ему открыты самые сокровенные мысли персонажей). Повествователь по своему кругозору близок автору-творцу, … и по сравнению с героями он – носитель более нейтральных речевых стихий, общепринятых языковых и стилистических норм». (Тамарченко, 2004:241)

Раскрывая особенности авторского присутствия в тексте художественного произведения, О.С. Мельничук (Мельничук, 2002) дает

подробный обзор имеющихся точек зрения по этому вопросу, как в отечественной, так и в зарубежной филологической науке. Не считая нужным повторяться, укажем лишь, что для данной статьи наиболее приемлемой является позиция, согласно которой точки зрения автора и повествующего в тексте субъекта (= рассказчика) максимально совпадают. Указанная позиция, в целом, соответствует мнению В.В. Виноградова, описавшего различные интерпретации образа рассказчика и, прежде всего, образа автора в своем знаменитом исследовании «Проблема образа автора в художественной литературе». В нем выдающийся филолог допускает, что «образ рассказчика < ... > колеблется, иногда расширяясь до образа автора» (Виноградов, 1971:113) и далее: «Образ автора – это образ, складывающийся или созданный из основных черт творчества поэта. Он воплощает в себе и отражает в себе иногда также и элементы художественно преобразованной его биографии. … Лирическое я – это не только образ автора, это – вместе с тем представитель большого человеческого общества.

<…> Образ автора – это не простой субъект речи, чаще всего он даже не назван в структуре художественного произведения. Это – концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем рассказчиком или рассказчиком и через них являющееся идейно-стилистическим средоточением, фокусом целого». (Виноградов, 1971:211)

Текст литературного источника позволяет увидеть, что автор не пытается отделить себя от рассказчика-персонажа, кроме того, это является главной целью писателя Андре Жида. Его присутствие «… обусловлено необходимостью передать читательской аудитории свое личностное представление об особенностях внешнего мира». (Самарская, 2008:39) Андре Жид дает возможность читателю погрузиться в реалии произведения, указав, например, место проживания родных ему людей, называя настоящие имена своих родственников, друзей, знакомых, о чем свидетельствуют выдержки из анализируемого сочинения: **17**, **18**, **19**

17 ***Anna*** *(à l'exception de mon père qui l'appelait toujours:* ***Mademoiselle Anna*** *nous l'appelions tous par son prénom, et même je disais : «* ***Nana*** *», par une puérile habitude que je conservai jusqu'à l'annonce du livre de Zola auquel ce nom servait de titre) –* ***Anna Shackleton*** *portait une sorte de coiffe d'intérieur en dentelle noire, dont deux bandeaux tombaient de chaque côté de son visage et l'encadraient assez bizarrement. ... .* (Gide, 2009:31) – 'Мы все звали ее просто **Анна**, кроме отца, обращавшегося к ней «**мадемуазель Анна**», а я по детской привычке даже «**Нана**», до тех пор, пока не объявили о выходе книги Золя с таким названием, – дома **Анна** носила что-то вроде черного кружевного чепца: две ленты, падавшие по обеим сторонам лица, придавали ему довольно странный вид. …'. (Жид, 2002:25)

18 *J'avais beaucoup fréquenté* ***Wilde****, à* ***Paris****; je l'avais rencontré à* ***Florence****; j'ai raconté déjà tout cela longuement; également ce qui va suivre, mais sans le détail que j'y veux apporter ici.* (Gide, 2009:327) – 'Я часто общался с **Уальдом** в **Париже**; я встречался с ним во **Флоренции**; я уже много об этом рассказывал, как и о дальнейших событиях, но здесь я хочу добавить некоторые подробности'. (Жид, 2002:258)

19 ***Mes parents*** *avaient pris coutume de passer les vacances d'été dans* ***le Calvados à la Roque Baignard****, cette propriété qui revint à ma mère au décès de* ***ma grand-mère Rondeaux****. Les vacances de nouvel an, nous les passions à* ***Rouen*** *dans* ***la famille de ma mère****; celles de Pâques à* ***Uzès****, auprès de* ***ma grand-mère paternelle****.* (Gide, 2009:21) – 'Летние каникулы **мои родители** проводили в **Кальвадосе**, где после смерти **бабушки Рондо** матери досталось имение в **Ла Рок Беньяр**.

Рождественские каникулы мы проводили в **Руане у родственников матери**, а пасхальные – в **Юзесе у моей бабушке по отцу**'. (Жид, 2002:17)

Заключение

Авторское присутствие в тексте характерно практически для подавляющего числа сочинений Андре Жида, прежде всего периода его раннего творчества. Эта особенность позволяет сделать вывод, что фактически пространство автора и рассказчика не разделяется: персонифицированный автор-повествователь, то есть названный именем рассказчик, выступающий заместителем аукториального повествователя, является главным из действующих лиц художественного автобиографического произведения. Очевидно, что использованный в работе методологический принцип *антропоцентризм,* будучи ведущим принципом современной дискурсивной лингвистики (Alefirenko, 2014:33, 38) предполагает изучение текста в связи с человеком, с его деятельностью в аспекте порождения (адресант / автор), восприятия и понимания (адресат / читатель) текста, его воздействующего эффекта и позволяет достаточно полно раскрыть специфику автобиогафического дискурса Андре Жида, его речевую партию, рассматриваемую в ракурсе коммуникативного процесса.

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует – художественное автобиографическое сочинение является одним из самых *коммуникативных* литературных творений, что предполагает наличие непосредственной связи между тем, кто пишет (автор / адресант) и тем, кто читает (читатель / адресат) и признается результатом коммуникативного события, а сам автор является главным коммуникантом речевого процесса.

References

AGEEVA, I. 2014. Speech Behavior of Recruitment Officers in Final Part of Interview. Xlinguae Journal, Volume 7 Issue 1, January 2014, ISSN 1337-8384 pp. 46-61

ALEFIRENKO, N. 2014. Formation and Development of Discourse Linguistic Theory. Xlinguae Journal, Volume 7 Issue 2, April 2014, ISSN 1337-8384 pp. 32-48

BAHTIOZINA, M.G. 2009. Semantic components of an image of the author in the literary and fiction text. M.: KDU. 144 p. ISBN 978-5-98227-596-7

BAKHTIN, M. M. 1972. Problems of poetics of Dostoyevsky. M. ISBN 978-5-8465-0848-4

BOCHINA, T.G. – ADAMKA, P. 2015. Proverb and Mythopoeic Model of the World. Xlinguae Journal, Volume 8 Issue 2, April 2015, ISSN 1337-8384 pp. 17-28.

CORNIER, K. – SCHEMBRI, A. – WOLL B. 2013. Pronouns and pointing in sign languages. Lingua Volume 137, December 3013, pp. 230-247. ISSN 0024-3841

EREMENKO, E.I. 1998. Realization of category of the image of the author in drama works by Max Frisch and Friedrich Durrenmatt. dis.kand. filol. nauk. SPb. 17 p.

GRONSKAYA, O. N. 1987. Linguistic implementers of the image of the author in the texts of the German romantic literary fairy tales (V. Gauff, E.T.A. Hoffman, K. Brentano). dis.kand. filol. nauk. M.

LEJEUNE, Ph. 1975. Le pacte autobiographique. Paris: Seuil.

LIDDELL, S.K. 2000b. Indicating verbs and pronouns: pointing away from agreement. In Emmorey, K., Lane, H. (Eds), The Signs of Langguage Revesited: An Anthology to Honor Ursula bellugi and Edward Klima. Lawrence Eribaum, Mahawah, NJ. pp. 303-320.

LINEVA, E.A. 2014. Contextual Functions of Indefinite-Personal Sentences. In: The Third European Conference on Languages, Literature and Linguistics. Proceedings of

the Conference (September 10, 2014). Vienna. «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. pp. 155-160. ISBN-13 978-3-902986-39-9 ISBN-10 3-902986-39-5

LUCKING, A. – PFEIFFER, Th. – RIESER, H. 2015. Pointing and reference recensidered Journal of Pragmatics: Volume 77, February 2014, pp. 56-79, ISSN 0378-2166

MACAULAY, R.K.S. 2005 Talk that counts. Age, gender, and social class differences in discourse. Oxford New York: Oxford University Presse. ISBN 0195173821

MCNEILL, D. – CASELL, J. – LEVY, E. 1993. Abstract deixis. In: Semiotica 95. pp. 5-19.

MELNICHUK, O. A. 2002. A first person narration. Interpretation of the text (on the material of modern French-speaking literature). dis. doct. filol. nauk. M..

MIKHAYLOVA, C.V. 2012. Feminine identity and ways of its objectivization in the discourse of fiction literature of the XVII century. dis. kand. filol. nauk. M.

MINAKOVA, N. A. 2009. Art time as key to mental and psychological space of the identity of the author and character. In: Scientific bulletin of VGASU Modern linguistic and methodical-didactic researches. V. 2 (12). Voronezh. pp. 20-29. ISSN 1991-9700

PEREVALOVA, S. V. 1998. The author's problem in the Russian literature of the 1970-1980s. dis. … kand. filol. nauk. Volgograd.

PERMYAKOVA, O. V. 2007. The phenomenon of gender stylization in modern female literature: on material of the French and Russian languages. dis.kand. filol. nauk. Perm.

POTTER, J. – WETHERELL, M. 1987. Discourse and social psychology. London: Sage. ISBN 0-8039-80-55-8

RYNDIN, S. B. 2005. Figures of the autobiographical subject in surrealistic and existential prose ("The man's age" of M. Leyris, "Words" of J.-P. Sartre). dis. kand. filol. nauk. SPb.

SAMARSKAYA, E.G. 2008. Autobiographical representation as a representative of the identity of the character in the literary text. dis. … kand. filol. nauk. Krasnodar.

SAVELYEVA, E.B. 2013. Self-presentation of the author-narrator in the autobiographical text through a prism of a personal deixis (on works by A. Gide's creativity). In: Coll. of scientific works of materials of international acad. and res. conf. Tambov. pp. 122-124. ISBN 978-5-4343-0377-4

SAVELYEVA, E.B. 2014a. An image of the author in the text of a literary work of autobiographical genre (on works by A. Gide). In: coll. scientific works. Ed. Century of I. Iuankava. In: 2 t. T. 2. Minsk. Publ. center BDU. pp. 65-72. ISBN 978-985-553-176-2

SAVELYEVA, E.B. 2014b. Regarding autobiographical genre. In: The Third European Conference on Languages, Literature and Linguistics. Proceedings of the Conference (September 10, 2014). Vienna. East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. pp. 223-228. ISBN-13 978-3-902986-39-9 ISBN-10 3-902986-39-5

SAXENA, A. 2006. Pronuns. In: Brown, K. (Ed.), Encyclopedia of Languages and Linguistics. 2nd ed. Elsevier. Oxford. p. 131-133.

SCHELKUNOVA, O. V. 2007. Author's comment as speech genre. In: Scientific bulletin of VGASU. Modern linguistic and methodical-didactic researches. V. 1 (8). Voronezh. pp. 51-62. ISSN 1991-9700

SHAMNE, N. N. – PETROVA, A. A. – REBRINA, L. N., – MILOVANOVA, M. V. 2014. Phenomenon of Memory and Category of Space: Gnoseological and Communicative Status. Xlinguae Journal, Volume 7 Issue 3, June 2014, ISSN 1337-8384 p. 32-48

SHUNNIKOV, V. L. 2006. "I" – a narration in modern domestic prose: principles of the organization and communicative strategy. dis. kand. filol. nauk. M. 195 p.
TAMARCHENKO, N.D. 2004. Theoretical poetics: Anthology of practical tasks. M.: PC "Academy". 400 p. ISBN 5-7695-1692-5
TOROPOVA, E.S. – SAVELYEVA, E.B. 2014. To the question of definition of the concept "autobiographism" and Philip Lyozhyon. In: Student's science to Moscow region: International materials of scientific conference of young scientists. Orekhovo-Zuevo: MGOGI. pp. 237-239.
VINOGRADOV, V.V. 1971. About the theory of artistic speech. M.: The higher school. 511 p. ISBN: 5-06-004547-1
ZHIDE, A. 2002. Collected works: In 7 t. T. 7: If the grain doesn't die; Et nunc manet in te. Transl. from French by E. Grechanaya; A Return from the USSR. Transl. from French by A. Lapchenko. M.: The TERRA – Book club. 480 p. ISBN 5-275-00646-2, 5-275-00618-7
ZHIDE, A. 2009. If the grain does not die. Coll. Folio, Editions Gallimard, Paris. ISBN 978-2-07-036875-4

Words: 6827
Characters: 4845 (26, 92 standard pages)

Assoc. Prof. Elena Borisovna Savelyeva, PhD.
Department of Methods of Teaching Foreign Languages
Moscow State Regional Institute of Humanities
Zelenaya, 22
142611 Orekhovo-Zuevo
Moscow region
Russia
lenaandrei2007@rambler.ru

Assoc. Prof. Elena Alexandrovna Lineva, PhD.
Department of Methods of Teaching Foreign Languages
Moscow State Regional Institute of Humanities
Zelenaya, 22
142611 Orekhovo-Zuevo
Moscow region
Russia
ealineva@mail.ru